

Об одной категории человеческого духа: понятие личности, понятие «Я»

Впервые опубликовано в: Journal of the Royal Anthropological Institute. Vol. LXVIII. L., 1938 (Huxley Memorial Lecture, 1938). Работа вошла в сборник трудов Мосса "Sociologie et antropologie". Перевод осуществлен по изданию: Mauss M. Sociologie et anthropologie. P: Presses Universitaires de France, 1950; текст уточнен по 8-му парижскому изданию 1983 г.

ГЛАВА I. Предмет — личность

[1091] Моим слушателям и читателям предстоит проявить большую снисходительность, так как предмет поистине огромен, и за отведенное мне время (55 минут) я смогу лишь наметить подход к его трактовке. Речь идет — ни много ни мало — о том, чтобы объяснить, как одна из категорий человеческого духа — одна из идей, которые мы считаем врожденными, — рождалась весьма медленно и росла на протяжении веков, претерпевая множество превратностей, так что еще и сегодня она неустойчива, хрупка, драгоценна и нуждается в дальнейшей разработке. Это идея «личности», идея «я». В глубине души все находят ее естественной, ясной для понимания, основательно укорененной в морали, которая из нее выводится. Речь идет о том, чтобы заменить этот наивный взгляд на историю данного понятия и теперешнюю его ценность взглядом более точным.

Замечание относительно принципа такого рода исследований

В результате вы увидите образец — может быть, худший, чем вы ожидаете, — работ Французской социологической школы. Мы специально занялись социальной историей категорий человеческого духа. Мы стремимся объяснить их одну за другой, пока просто отталкиваясь от перечня аристотелевских категорий[1092]. Мы описываем некоторые их формы в определенных цивилизациях и посредством сравнения стараемся выявить их подвижную природу и причины. Именно таким способом, анализируя понятие мана, Юбер и я попытались найти не только архаическую основу магии, но также и очень общую и,

вероятно, весьма раннюю форму понятия причины[1093]. Таким же образом Юбер описал некоторые характеристики понятия времени[1094], а наш незабвенный коллега, друг и ученик Чарновски хорошо начал, но, увы, не закончил свою теорию «дробления пространства», иначе говоря, некоторых аспектов понятия пространства[1095]. Таким образом, мой дядя и учитель Дюркгейм исследовал понятие целого после того, как вместе со мной исследовал понятие рода[1096]. В течение многих лет я занимаюсь исследованиями, связанными с понятием субстанции, из которых я опубликовал лишь один весьма темный фрагмент, который в его теперешнем виде бесполезен для чтения[1097]. Напомню вам также ряд произведений Люсьена Леви-Брюля о первобытном мышлении, в которых он многократно касается этих вопросов, в частности в связи с нашим предметом, — того, что он называет «первобытной душой». Но он обращается не к изучению каждой категории в отдельности, в частности той, которую мы будем рассматривать; во всех, включая категорию «я», он хочет главным образом выявить, что «дологического» содержит сознание народов, изучаемых преимущественно не историей, а антропологией и этнологией.

С вашего позволения мы будем действовать более методично и ограничимся в исследовании одной-единственной подобной категорией — категорией «я». Этого будет вполне достаточно. За короткое время я не без удали и на большой скорости проведу вас через континенты и эпохи, от Австралии до наших европейских обществ и от древнейшей истории до истории наших дней. Можно было бы предпринять более обширные исследования, каждое из которых могло быть значительно более глубоким, но я намереваюсь лишь показать вам, как их можно было бы организовать. Ибо моя цель — сразу представить вам перечень форм, которые это понятие принимало в различных местах, и показать, как оно в конечном счете обрело плоть, материю, облик, грани, — и так дойти до нашего времени, когда оно наконец стало ясным, четким в наших цивилизациях (именно в наших, почти в наши дни), хотя еще не во всех. Я сделаю лишь набросок, начну эскиз, предварительный слепок. Я еще не готов разрабатывать весь массив, лепить законченный портрет.

Так, я не буду говорить с вами о лингвистических вопросах, которые для полноты надо было бы рассмотреть. Я никоим образом не считаю, что было такое племя, язык, где бы слово “je — moi” (вы видите, что мы до сих пор используем два слова) не существовало и не означало нечто отчетливо выраженное. Совсем наоборот, помимо местоимения в очень многих языках используются многочисленные позиционные суффиксы, зачастую имеющие отношение к существующим во времени и в пространстве связям между говорящим субъектом и объектом, о котором он говорит. Здесь «я» вездесуще и, однако, не выражается ни через moi, ни через je. Но в обширной области языка я слабый знаток. Мое исследование целиком относится к сфере права и морали.

О психологии я буду говорить так же мало, как и о лингвистике. Я оставлю в стороне все, что касается «я», сознательной личности как таковой. Скажу только: очевидно, особенно для нас, что не было никогда человеческого существа, которое не обладало бы ощущением не только своего тела, но также и своей духовной и телесной индивидуальности одновременно. Психология этого ощущения достигла огромного прогресса примерно за последние 100 лет. Все французские, английские, немецкие неврологи, среди которых мой учитель Рибо[1098] и наш дорогой коллега Хед[1099], накопили обширные знания по этому вопросу, по поводу способа, которым формируется, функционирует, приходит в упадок,

отклоняется в сторону, разлагается это чувство, а также о важной роли, которую оно играет.

Моя тема совсем иная, особая. Она принадлежит к социальной истории. Как в течение веков сквозь многочисленные общества медленно выработывалось не чувство «я», но понятие, концепт, который создали из него люди разных эпох? Я хочу показать вам ряд форм, которые это понятие принимало в жизни людей, обществ, в соответствии с их правовыми системами, их религиями, обычаями, социальными структурами и формами их сознания.

Направленность моего изложения сразу станет понятной, как только я покажу вам, насколько поздним является философское слово «я», насколько поздно возникли категория «я», культ «я» (его искажение) и уважение «я» — в частности, «я» других (его нормальное проявление).

Итак, перейдем к классификации. никоим образом не претендуя на реконструкцию общей истории с глубокой древности до наших дней, изучим вначале некоторые из форм понятия «я», затем, вместе с греками вступив в историю и отталкиваясь отсюда, установим некоторые достоверные связи. Прежде всего, не заботясь ни о чем, кроме логики, мы совершим прогулку по своего рода музею фактов (я не люблю слово *survivals* — «пережитки» по отношению к еще живым и разрастающимся институтам[1100]), которыми снабжает нас этнография.

ГЛАВА II. «Персонаж» и место «ЛИЧНОСТИ»

Пуэбло

Начнем с факта, от которого отталкиваются все исследования подобного рода. Приведу факт, взятый у индейцев пуэбло, у зуньи, точнее, тех пуэбло зуньи, которых столь замечательно многие годы исследовали Фрэнк Гамильтон Кэшинг (прошедший полное посвящение в пуэбло), Матильда Кокс Стивенсон и ее муж. Их работы подвергались критике. Но я считаю их достоверными и, во всяком случае, единственными в своем роде. Правда, в этих племенах нет ничего «очень первобытного». «Городки Сибола» были обращены когда-то в христианство, они сохранили свои книги записей крещений; но в то же время они практиковали свое древнее право и религию почти в «прирожденном» виде, если можно так выразиться, т. е. примерно таком, как у их предшественников, *cliff dwellers*[1101] и обитателей месы[1102] вплоть до Мексики. По материальной культуре и социальному строю они были и остаются очень близкими мексиканцам и наиболее цивилизованным индейцам обеих Америк. «Мексика — это пуэбло»[1103], — превосходно пишет великий и столь несправедливо третируемый Л. Г. Морган, основоположник наших наук.

Нижеследующее свидетельство принадлежит Фрэнку Гамильтону Кэшингу, которого подвергают критике даже его коллеги из «Бюро американской этнологии»[1104]. Однако я

продолжаю считать его одним из лучших авторов описаний обществ всех времен; а я знаю его опубликованные работы, тщательно следил вообще за тем, что публиковалось о зуныи и о пуэбло в целом, и вполне полагаюсь на свое знание множества американских обществ.

Если позволите, я перейду к тому, что относится к ориентации и разделению персонажей в ритуале. Хотя это имеет очень важное значение, как я уже отмечал в другом месте, ограничусь указанием лишь на два момента: существование известного количества личных имен по кланам; точное определение роли, которую каждый играет в представлении клана и выражает этим именем.[1105]

«В каждом клане можно найти ряд имен, называемых именами детства. Эти имена означают скорее звания, чем прозвища (cognomen). Они определяются социологическими и религиозными обычаями и даются в детстве в качестве “истинных имен”, или званий детей. Но эта совокупность имен, относящихся к любому тотему, например к одному из животных тотемов, не будет названием самого тотемного животного; это будут обозначения одновременно тотема в его разнообразных проявлениях и различных частей тотема или его функций, или атрибутов, реальных или мифических. Далее эти части, или функции, или же атрибуты частей или функций также делятся на шесть разрядов, так что имя, относящееся к одному члену тотема, например правая передняя или задняя нога этого животного, будет соответствовать северу и будет первым по чести в клане (который сам по себе не принадлежит к северной группе). Имя, относящееся к другому члену, скажем к левой передней или задней ноге и их силе, будет принадлежать к западу и будет вторым по чести; третий член, скажем правая лапа, — к югу и будет третьим по чести; четвертый член, скажем левая лапа, — к востоку и будет четвертым по чести; пятый, скажем голова, — к верхним областям и будет пятым по чести; шестой, скажем хвост, — к нижним областям и будет шестым по чести; наконец, сердце или пупок могут быть первыми или последними по чести. Исследования майора Пауэлла среди маскоев и других племен доказали, что так называемые термины родства среди других индейских племен (в не меньшей, а возможно, и в большей мере это правило применимо к зуныи) являются главным образом средствами определения относительного ранга или авторитета, обозначаемых относительным возрастом (более старшим или более молодым) лица, к которому адресуются или о котором говорят, используя этот термин взаимоотношения. Таким образом, для зуныи совершенно невозможно назвать другого просто братом: всегда необходимо сказать, старший или младший брат, благодаря чему сам говорящий утверждает свой относительный возраст или ранг. Между членами клана принято также обращаться друг к другу посредством тех же самых родственных имен старшего или младшего брата, дяди или племянника и т. д.; но в зависимости от того, выше или ниже ранг того, к кому обращаются, должен использоваться словесный символ отношения, обозначающий старшего или младшего.

При такой системе устройства, при столь гибких приемах обозначения этого устройства (не только в зависимости от числа областей и их соподчинения и относительной преобладности и в последовательности их стихий и сезонов, но также и в приписываемых им цветах и т. д.) и, наконец, при таком устройстве соответственно классифицированных имен и терминов взаимоотношений, обозначающих скорее ранг, чем кровнородственную связь, ошибка в порядке церемонии, процессии или заседания совета просто невозможна, и о людях, использующих такие средства, можно сказать, что они вписали и вписывают свои

статусы и законы во все повседневные взаимоотношения и высказывания».

Итак, с одной стороны, клан воспринимается как состоящий из определенного множества личностей, в действительности персонажей; а с другой стороны, роль всех этих персонажей состоит в том, чтобы каждому в своей части представлять целостность клана, служить ее прообразом.

Так обстоит дело с личностью и кланом. «Братства» еще более сложны. У пуэбло зуни и, очевидно, у других, таких как сия, тусаяны, хопи, вальпи и мишонгови, имена соответствуют не просто организации клана, его парадной, торжественной стороне, как частной, так и общественной, но главным образом рангам в братствах, которые в старой номенклатуре Пауэлла и «Бюро американской этнологии» назывались “Fraternities”, “Secret Societies” («Братства», «Тайные общества») и которые мы могли бы с большой точностью уподобить «коллегиям»[1106] римской религии. Тайные в своих приготовлениях и многочисленных торжественных обрядах, предназначенных для Общества Мужчин (Кака или Коко, Коемши и т. д.), но также и публичные, почти театральные, представления, особенно у зуни, у хопи — танцы в масках, в частности танцы катсина, посещение духов, представленных их держателями прав на землю, носителями их знаний. Все это, ставшее сейчас спектаклем для туристов, еще 50 лет назад жило полноценной жизнью и сохраняется до сих пор.

Мисс Б. Фрейере Марекко (сейчас миссис Эйткен) и миссис Э. Кюз Парсонс продолжают расширять и подтверждать наши знания об этом.

С другой стороны, если добавить, что жизни этих индивидов, движущие силы кланов и обществ, охватывающих кланы, поддерживают не только жизнь вещей и богов, но и «собственность» на вещи; что это не только укрепление посюсторонней и потусторонней жизни мужчин, но также и возрождение индивидов (мужчин), единственных наследников носителей их имен (перевоплощение женщин — совсем другое дело), то вы поймете, что мы видим уже у пуэбло в общем и целом понятие личности, индивида, единого со своим кланом, но уже оторванного от него в церемониале маской, своим званием, рангом, ролью, своей собственностью, своим выживанием и возрождением на земле в одном из своих потомков, наделенном теми же местом в иерархии, именем, званием, правами и функциями.

Северо-запад Америки

Тщательному анализу в связи с теми же фактами следовало бы подвергнуть и другую группу американских племен — племена северо-запада Америки. Британскому королевскому антропологическому обществу и Британской ассоциации принадлежит честь быть инициаторами всестороннего анализа их институтов, начатого великим геологом Доусоном и столь хорошо продолженного, если не завершено, в выдающихся трудах Боаса и его индейских помощников Ханта и Тейта, в трудах Сепира, Свэнтонна, Барбо и т. д.

Здесь также, хотя и в иных, но по природе и функциям одинаковых терминах, встает та же проблема: имени, социального положения, юридического и религиозного «первородства» каждого свободного мужчины и тем более каждого знатного и принца.

Возьму в качестве отправного пункта наиболее изученное из этих важных обществ — квакиютлей и ограничусь некоторыми замечаниями.

Одно предупреждение: как в связи с пуэбло, так и в связи с индейцами северо-запада не следует иметь в виду ничего первобытного. Прежде всего часть этих индейцев, а именно северные: тлинкиты и хайда, говорят на языках, которые, по мнению Сепира, различаются по тону и родственны языкам, происходящим от корня, обычно называемого прото-сино-тибето-бирманским. Если позволите поделиться моими впечатлениями этнографа, хоть и не кабинетного, но, во всяком случае, «музейного», я опишу очень живое воспоминание о показе квакиютлей уважаемым Патнэмом, одним из основателей этнологического отдела Американского музея естественной истории. Целое большое церемониальное судно с манекенами в натуральную величину, со всем религиозным и правовым оснащением изображало хаматсе, принцев-каннибалов, приплывших морем на ритуал, наверняка брачный. Своими роскошными одеяниями, коронами из коры красного кедра, своими славными экипажами, одетыми чуть менее богато, они создали у меня точное впечатление о том, каким мог быть, например, Северный Китай в глубокой, самой глубокой древности. Думаю, что это судно, это несколько романтизированное изображение, больше не существует, в наших этнографических музеях оно уже вышло из моды. Но это неважно, оно произвело впечатление, по крайней мере, на меня. Даже лица индейцев живо напоминают мне лица «палеоазиатов» (называемых так потому, что неизвестно, куда отнести их языки). И, отталкиваясь от этой точки цивилизации и заселения, надо учесть еще длительные и многочисленные эволюции, революции, новые формации, которые наш дорогой коллега Франц Боас стремится описать, может быть, несколько торопливо.

Как бы то ни было, все эти индейцы, в частности квакиютли, установили[1107] у себя целую социальную и религиозную систему, где в бесконечном обмене правами, поставками, имуществом, танцами, церемониями, привилегиями, рангами одновременно с социальными группами удовлетворяют свои потребности личности. Мы очень ясно видим здесь, как в соответствии с классами и кланами распределяются «человеческие личности», а затем, в зависимости от последних, распределяются действия актеров в драме. Здесь все актеры — теоретически все свободные люди. В данном случае драма выходит за эстетические рамки: она является религиозной и в то же время космической, мифологической, социальной и личной.

Прежде всего, как и у зуны, все индивиды в любом клане имеют имя, даже два имени на каждый сезон: мирское (лето) (WiXsa) и священное (зима) (LaXsa). Эти имена распределены между разделенными семьями, «тайными обществами» и кланами, сотрудничающими в обрядах в ту пору, когда вожди и семьи сталкиваются в бесчисленных и бесконечных потлачах, представление о которых я попытался дать в другом месте. Каждый клан имеет два полных набора своих имен собственных или, точнее, своих личных имен: один — для повседневного употребления, другой — тайный, но сам по себе не простой, так как имя индивида, особенно знатного человека, меняется с возрастом и функциями, выполняемыми в связи с этим возрастом[1108]. Вот что говорится в одной из речей о клане орла, правда, это разновидность привилегированной группы привилегированных кланов[1109].

«Ибо то, что они не изменяют своих имен, начинается с того [времени], когда давным-давно //Ôemaxt!âlalëe, предок нумайма G.ig.îlgâm/Qlômoyâeyë, сделал сиденья Орлов; и те сошли (слетели) к нумаймам. И хранитель имени Wiltseestala говорит: “Теперь нашим вождям дано все, и я пойду прямо вниз [согласно рангу]”. / Так он говорит, когда раздает собственность: ибо я просто назову имена // одного из главных вождей нумаймов из племени квакиютлей. Они никогда не изменяют своих имен с (самого) начала, [когда первые человеческие существа жили на земле; ибо имена не могут уйти / из семьи главных вождей нумаймов, только перейти / к старшему из детей главного вождя //».

Во всем этом действует, стало быть, не только престиж и авторитет вождя и клана, но и само одновременное существование последних и предков, которые перевоплощаются в их держателей прав и оживают в телах тех, кто носит их имена. При этом преемственность обеспечивается ритуалом на всех его фазах. Преемственность вещей и душ обеспечивается только преемственностью имен индивидов, личностей. Последние действуют только в качестве выполняющих возложенную на них функцию, и в то же время они ответственны за весь свой клан, свои семьи, свои племена. Например, ранг, власть, религиозная и эстетическая функции, танец и владение, raparhernalia и медь в форме щита, настоящие медные «эю», необычные деньги теперешних и будущих потлачей, завоевываются в результате войны: достаточно убить их обладателя — или завладеть одной из принадлежностей ритуала, одеждой, — чтобы унаследовать его имена, имущество, должности, предков, его личность — в полном смысле слова[1110]. Так приобретаются ранги, имущество, личные права, вещи и в то же время — их индивидуальный дух.

Весь этот огромный маскарад, вся эта драма и этот балет, усложненный экстазом, относятся как к будущему, так и к прошлому, они являются испытанием для служителя культа и доказательством присутствия в нем науалаку (там же, с. 396), первоосновы некой безличной силы, или предка, или личного бога, во всяком случае, власти сверхчеловеческой, духовной, определяющей. Победный потлач, приобретенная медь соответствуют безошибочному танцу (ср. там же, с. 565) и успешному овладению (см. там же, с. 658, 505, 465 и др.).

Здесь невозможно развить все эти сюжеты. В качестве почти анекдота сообщу вам об одном институте, широко распространенном от нутка до тлинкитов севера Аляски, — это использование замечательных масок с двойными и даже тройными створками, открывающимися, чтобы показать два или три существа (расположенные друг над другом тотемы), которые персонифицирует носитель маски[1111]. Вы можете увидеть такие маски, очень красивые, в Британском музее. И все знаменитые totem poles[1112], трубки из мыльного камня и прочие предметы, ставшие теперь товаром, предназначенным для туристов, прибывающих по железной дороге или морем, могут быть рассмотрены под этим углом зрения. На одной трубке, которая, по моему мнению, принадлежала хайда и к которой я отнесся без особого внимания, точно изображен молодой иницируемый в островерхой шапке, представляемый своим отцом-духом в шапке и несущий касатку, а под иницируемым, которому они подчинены по нисходящей, — лягушка, несомненно, его мать, и ворон, несомненно, его дед (по матери).

Мы не будем останавливаться на очень важном факте смены имен на протяжении жизни, главным образом у знати. Надо было бы показать целую серую любопытных фактов

наместничества: сын (младший) временно представлен своим отцом, который на время принимает дух умершего деда; нам потребовалось бы здесь целое доказательство наличия у квакиютлей двойного наследования, женского и мужского, и системы чередующихся и смещаемых поколений.

Кроме того, весьма примечательно, что у квакиютлей (и их ближайших родственников: хейлтсуков, белла кула и др.) каждый момент жизни обозначается, персонифицируется новым именем, новым титулом ребенка и взрослого (мужчины и женщины). Затем он получает имя как воин (естественно, это не относится к женщинам), как принц или принцесса, как вождь или жена вождя; имя для праздника, устраиваемого мужчинами и женщинами, и для особого принадлежащего им церемониала. Он получает имя для пожилого возраста: общества тюленей (пенсионеры, живущие без экстатических состояний, без собственности, без ответственности, без выгоды, но только воспоминаниями о прошлом). Наконец, у них нарекаются именами «тайные общества», где они исполняют главную роль медведей (часто по отношению к женщинам, представленным здесь своими мужьями или сыновьями, которые играют роль волков), хаматсе (каннибалов) и т. д. Имена получают также: дом вождя (с крышей, опорными столбами, дверями, украшениями, балками, окнами, двуглавой змеей), праздничные лодки, собаки. Следует добавить к перечням, представленным в "Ethnology of the Kwakiutl"[1113], что блюда, вилки, медные пластины — все украшено эмблемами, «оживлено», составляет часть личности собственника и его familia, res его рода.

Мы избрали квакиютлей и вообще жителей северо-запада Америки, потому что они в действительности представляют крайние, предельные случаи, позволяющие увидеть факты лучше, чем там, где, будучи не менее существенными, они остаются еще мелкими и неразвитыми. Но следует иметь в виду, что у большей части обитателей американских прерий, в частности у сиу, существуют институты подобного рода. Так, виннебаго, исследованные нашим коллегой Радином, имеют точно такие же наборы личных имен, определяемых кланами и семьями, которые распределяют их согласно определенному порядку, но всегда в точном соответствии с чем-то вроде логического распределения атрибутов или сил и свойств[1114], базирующегося на мифе о происхождении клана и обосновывающего способность того или иного индивида воплощать его персонаж.

Приведем пример такого происхождения имен индивидов, которое Радин детально описывает на примере автобиографии Грохочущего Грома[1115].

«Всякий раз, когда в нашем клане ребенку надо было дать имя, это делал мой отец. Это право он сейчас передал моему брату.

Творец мира вначале послал четырех человек сверху, и когда они прибыли на эту землю, все, что с ними происходило, было использовано для создания собственных имен. Так говорил нам наш отец. Поскольку они прибыли сверху, постольку отсюда возникло имя Приходящий Сверху, а поскольку они прибыли как духи, у нас есть имя Дух-человек. Когда они прибыли, шел морозящий дождь, и отсюда имена Гуляющий-в-Тумане, Приходящий-в-Тумане, Морозящий Дождь. Говорят, что, когда они прибыли к Внутреннему озеру, они приземлились на маленький куст, и отсюда имя Сгибающий Куст, а так как они опустились

на дуб, существует имя Дуб. Поскольку наши предки прибыли с гром-птицами и поскольку существуют животные, вызывающие гром, у нас есть имя Тот, кто Родит Гром. Подобно этому у нас есть Ступающий Мощной Походкой, Разрушающий Землю своей Силой, Идущий с Ветром и Градом, Сверкающий во все Стороны, Единственная Вспышка Молнии, Вспышка Молнии, Шагающий среди Туч, Тот, у кого Длинные Крылья, Ударяющий по Дереву.

Гром-птицы прилетают со страшными раскатами грома. Все на земле — животных, растения, все затопляет ливень. Страшные удары грома раздаются повсюду. Из всего этого произошло имя, и это мое имя — Грохочущий Гром»[1116].

Каждое из имен гром-птиц, разделяющих между собой различные моменты тотема грома, относится к тем предкам, которые постоянно перевоплощались (мы располагаем даже историей двух перевоплощений)[1117]. Люди, воплощающие предков, являются посредниками между тотемическим животным и духом-хранителем, и предметами, украшенными эмблемами, и обрядами клана или «великими исцелениями». И все эти имена и наследование личностей определяются откровениями и границами, о которых наследник заранее знает и которые указаны его бабушкой или другими предками. Мы обнаруживаем если и не те же, то, по крайней мере, близкие по происхождению факты почти повсюду в Америке. Можно было бы продолжить это доказательство фактами из жизни ирокезов, алгонкинов и т. д.

Австралия

Теперь лучше ненадолго вернуться к более простым, более примитивным фактам. Вот несколько замечаний об Австралии.

Здесь клан также отнюдь не выглядит целиком сведенным к безличному, коллективному существу, к тотему, представленному видом животных, а не индивидов: людей, с одной стороны, животных — с другой[1118]. В своем человеческом аспекте он является результатом перевоплощения рассеянных и непрерывно возрождающихся в клане духов (это относится к арунта, лоритья, какаду и т. д.). Даже у арунта и лоритья эти духи очень точно перевоплощаются в третьем поколении (дед — внук), в пятом, где дед и праправнук — тезки. Здесь также это результат женского наследования, пересекающегося с мужским. И, например, можно исследовать в распределении имен среди индивидов по кланам и определенным матримониальным классам (восемь классов у арунта), соотношение этих имен с вечными предками (ратана) по их форме в момент зачатия, по форме утробных плодов и детей, рождающихся из них, и между именами этих ратана и именами взрослых (являющимися, в частности, названиями функций, выполняемых в клановых и племенных церемониях)[1119]. Искусство всех этих распределений состоит не только в том, что оно приводит к религии, но и в том, что оно устанавливает права индивида, его место в племени и в племенных обрядах.

Кроме того, если по причинам, которые сейчас станут понятными, я говорил главным образом об обществах с постоянными масками (зуньи, квакиютли), то не надо забывать, что временные маскарады в Австралии и других местах являются просто церемониями непостоянных масок. Человек фабрикует себе многослойную личность, истинную в случае

ритуала, мнимую — в случае игры. Но между раскраской лица, а зачастую и тела и одеждой или маской существует лишь различие в степени и нет различия в функции. И в одном, и в другом случае все ведет к экстатическому представлению предка.

Впрочем, присутствие или отсутствие маски — это скорее черты, так сказать, социального, исторического, культурного произвола, чем черты фундаментальные. Так, у киваи, папуасов острова Киваи, есть великолепные маски, не уступающие даже маскам тлинкитов Северной Америки, в то время как у их довольно близких соседей, маринд-аним, фактически есть лишь одна очень простая маска, но при этом в великолепных праздниках братств и кланов участвуют люди, украшенные с ног до головы и по этой причине неузнаваемые.

На этом завершим первую часть нашего доказательства. Из нее с очевидностью следует, что громадное множество обществ пришло к понятию персонажа, роли, играемой индивидом в священных драмах, так же как и в семейной жизни. Функция уже создала формулу, существующую как в обществах весьма примитивных, так и в наших собственных обществах. Такие институты, как «пенсионеры-тюлени» у квакиютлей, как обычай арунта, относящих к малозначительным людям того, кто не может больше танцевать, «кто потерял свою кабару», совершенно типичны.

Другая точка зрения, от которой я по-прежнему несколько абстрагируюсь, — это представление о перевоплощении некоего числа духов, частично поименованных, в соответствующее число индивидов. И тем не менее! Б. и Ч. Г. Селигман с полным основанием опубликовали материалы Дикона, наблюдавшего это явление в Меланезии[1120]. Раттрей наблюдал это в связи с ашантийским нторо[1121]. Надо отметить, что Маупойл нашел в этом один из наиболее важных элементов культа Фа (Дагомея и Нигерия). Но все это я оставляю в стороне.

Перейдем от понятия персонажа к понятию личности и «я».

ГЛАВА III. Латинская "persona"

Известно, до какой степени укоренилось и стало классическим латинское понятие persona, маска, трагическая маска, ритуальная маска и маска предка. Оно проявилось еще на заре латинской цивилизации.

Мне необходимо показать, как оно стало нашим собственным понятием. Пространство, время и различия, разделяющие его происхождение от теперешнего состояния, велики. Исторически эволюции и революции выстраиваются друг над другом в соответствии с хронологией благодаря явным причинам, которые мы сейчас опишем. Эта категория духа то становилась зыбкой, то обретала глубокие корни.

Даже среди очень больших и древних обществ, первыми осознавших ее, два общества ее, так сказать, изобрели, но лишь затем, чтобы почти окончательно разрушить, и все это происходило начиная с последних веков до нашей эры. Этот поучительный пример предоставляют нам брахманическая и буддийская Индия и Древний Китай.

Индия

Индия мне представляется самой древней цивилизацией, обладавшей понятием индивида, его сознания, «я», как я это называю; это — ахамкара, «выработка» «я». Оно обозначает индивидуальное сознание; ахам = «я» (это то же индоевропейское слово, что и ego). Слово ахамкара, очевидно, представляет собой технический термин, придуманный какой-нибудь школой мудрых провидцев, находящихся выше всяких психологических иллюзий. Самкхья, школа, вероятно непосредственно предшествовавшая буддизму, утверждает скомпонованный (composé) характер вещей и духов (самкхья буквально означает «составление» (composition)) и считает, что «я» есть нечто иллюзорное. Буддизм же в начале своей истории постановил, что «я» — лишь соединение, делимое, рассекаемое на скандхи, и добивался его уничтожения у монаха.

Все великие школы брахманизма эпохи упадешад, несомненно предшествующие самой самкхье, как и следующим за ними двум ортодоксальным формам Веданты, говорят о пословице «провидцев», вплоть до диалога Вишну, демонстрирующего истину Ариуне в «Бхагавадгите»: там твам аси, что почти буквально означает “that thou art” — «ты есть это (вселенная)». Даже позднейший ведический ритуал и его комментарии были уже пронизаны этой метафизикой.

Китай

О Китае я знаю только то, чему мой коллега и друг Марсель Гране любезно согласился меня научить[1122]. Нигде еще и сегодня в большей мере не принимается в расчет индивид, особенно его социальное бытие, нигде он не классифицируется более активно. Великолепные работы Гране открывают нам в Древнем Китае силу и величие институтов, близких институтам северо-запада Америки. Порядок рождений, ранг и игра социальных классов фиксируют имена, форму жизни индивида или, как говорят, его «лицо» (это выражение начинает распространяться и у нас). Его индивидуальность — это его мин, его имя. Китай сохранил архаические понятия. Но в то же время он отобрал у индивидуальности все признаки постоянства и неразложимости. Имя, мин — это коллектив, это нечто, доставшееся от других: это имя носил соответствующий предок, и оно так же перейдет к потомку нынешнего носителя. И когда философствовали, когда в некоторых метафизиках пытались выразить, что это такое, об индивиде говорили, что он смесь, состоящая из шен и куэй (еще два коллектива) в течение этой жизни[1123]. Даосизм и буддизм затем еще прошли через это, и понятие личности больше не развивалось.

Другие нации познали или восприняли идеи того же рода. Те из них, которые сделали из человеческой личности целостную сущность, независимую от всякой другой, кроме Бога, редки.

Наиболее важной из них является римская. Именно там, в Риме, на наш взгляд, возникла эта сущность.

ГЛАВА IV. Persona

В противоположность индусам и китайцам римляне или, лучше сказать, латиняне, вероятно, частично установили понятие личности (*personne*), название которой осталось латинским. В самом начале мы сталкиваемся с теми же системами фактов, что и предшествующие, но уже в новой форме: «личность» (“*personne*”) больше, чем факт организации, больше, чем имя или право на персонаж и ритуальную маску; она — фундаментальный факт права. В праве, говорят юристы, существуют только *personae*, *res* и *actiones*[1124]; этот принцип управляет еще разделением наших кодексов. Но этот результат — факт специфической эволюции римского права.

Вот как, не без некоторой дерзости, я мог бы представить себе эту историю[1125]. Несомненно, изначальный смысл слова — это только «маска». Разумеется, объяснение латинских этимологов, согласно которому *persona* происходит от *per/sonare* — названия маски, которая служит резонатором, усиливающим голос (актера), было придумано позднее (хотя и проводят различие между *persona* и *persona muta*, немой персонажем драмы и пантомимы). В действительности же это слово, вероятно, даже не от латинского корня; его происхождение считают этрусским, так же как и другие существительные на *na* (*Porsenna*, *Saescina* и др.). Мейе и Эрну (*Dictionnaire Etymologique*) сопоставляют его с плохо переданным словом *farsu*, а Бенвенист говорил мне, что, возможно, оно происходит от заимствования, сделанного этрусками из греческого *πρόσωπον* (*perso*). Как бы то ни было, даже материально институт масок и, в частности, масок предков, вероятно, имел основным очагом возникновения Этрурию. У этрусков была масковая цивилизация. Множество масок из дерева и обожженной глины (восковые утрачены), множество изображений спящих и сидящих предков, найденных при раскопках на территории обширного Тирренского королевства, не идут ни в какое сравнение с масками, найденными в Риме, Лациуме или в Великой Греции (впрочем, на мой взгляд, они чаще всего этрусские по фактуре).

Но если слово и институты изобрели не латиняне, то все же именно они придали им тот исходный смысл, который стал нашим собственным. Вот каким был этот процесс.

Вначале мы находим у латинян определенные следы институтов вроде клановых церемоний масок, живописных изображений, которыми актеры украшают себя в соответствии с носимыми именами. По крайней мере один из значительных ритуалов древнейшего Рима точно соответствует общему типу, четко выраженные формы которого мы описали. Это ритуал *Hirpi Sorani*, волков Соракты (*Hirpi* — наименование волка на самнитском языке[1126]). *Irpini appellati nomine lupi, quem irpum dicunt Samnites; eum enim ducem secuti agros occupavere*, учит Фест (93, 25)[1127].

Члены семей, носивших это звание, подходили по раскаленным углям к храму богини Феронии; они пользовались различными привилегиями, освобождались от налогов. Джеймс Д. Фрэзер уже высказывал предположение, что это остаток одного древнего клана, ставшего братством и носящего имена, шкуры, маски. Но более того, вполне вероятно, что мы сталкиваемся здесь с самим мифом о Риме. Асса *Larentia*, имя старухи, матери Лар[1128], чествуемой на ларенталиях (декабрь), — не что иное, как *indigitamentum*, тайное имя Римской Волчицы, матери Ромула и Рема (*Ov., Fastes, 1,55 и сл.*)[1129]. Клан, танцы, маски, имя, имена, ритуал. Согласен, что этот факт как бы расколот на два элемента: сохранившееся братство и миф, повествующий о том, что предшествовало самому Риму. Но

оба составляют единое целое. Исследование других римских коллегий позволило бы выдвинуть другие гипотезы. В сущности, самниты, этруски, латиняне жили еще в атмосфере, с которой мы только что расстались: *personaе*, масок и имен, индивидуальных прав на обряды, привилегии.

Отсюда до понятия личности — один только шаг. Вероятно, он был сделан не сразу. Я считаю, что легенды, подобные легенде о консуле Бруте и его сыновьях[1130], об окончании действия права отца (*pater*) убивать своих сыновей, своих *sui*, отражают обретение сыновьями *persona* даже при жизни их отца. Я думаю, что восстание плебса, полнота гражданских прав, которой добились (после сенаторских сыновей) все представители плебейской части *gentes* (родов), были решающими. Римскими гражданами были все свободные мужчины Рима. Все они обладали гражданской *persona*; некоторые стали религиозными *personaе*. Некоторые маски, имена и ритуалы оставались закрепленными за определенными привилегированными семьями религиозных коллегий.

К тем же результатам приводил другой обычай, а именно присвоение родовых имен, имен личных и прозвищ. Римский гражданин имеет право на *nomen*, *praenomen* и *cognomen*[1131], которые присваивает ему его *gens*. Имя личное, данное при рождении, отражает, например, отношение по порядку рождения к предшественнику, носившему его: *Primus*, *Secundus*. Священное имя (*nomen* — *nimen*) принадлежит *gens*. Примеры *cognomen*, прозвища (имя, не тождественное *surname*): Насон, Цицерон и др.[1132] По решению сената (очевидно, не обходилось без злоупотреблений) никто не имел права присваивать себе какое-либо имя, величать себя именем никакого другого рода, кроме своего собственного. *Cognomen* имеет другую историю, в конечном счете происходит смешение *cognomen*, прозвища, которое можно носить, с *imago*, посмертной маской (*πρόσωπον*) покойного предка, отлитой из воска, которая хранилась в боковых помещениях семейного дома. Использование этих масок и статуй, вероятно, очень долго сохранялось только в патрицианских семьях, фактически — если и не по закону — никогда широко не распространялось среди плебса. Это скорее узурпаторы, чужаки, принимавшие *cognomina*, не принадлежавшие им. Сами слова *cognomen* и *imago*, так сказать, неразрывно связаны в почти ходячих формулах. Вот один из фактов, на мой взгляд, типичный, от которого я отталкивался во всех этих исследованиях и который я нашел, не занимаясь специально его поисками. Речь идет о Стайене, подозрительном индивидуе, против которого Цицерон ведет защиту в пользу Клуенция. Приведем отрывок. Тит *appellat hilan vultu hominem Bulbus, ut placidissime potest. "Quid tu, inquit, Paete?" Hoc enim sibi Staienus cognomen ex imaginibus Aetiorum delegerat ne sese Ligurem fecisset, nationis magis quam generis uti cognomine videretur*[1133]. Пет — это *cognomen* аэлиев, на которое Стайен, лигур, не имел никакого права и которое он узурпировал, чтобы скрыть свою национальность и заставить поверить в несвойственное ему происхождение. Здесь перед нами — узурпация личности, фикция личности, звания, происхождения.

Один из прекраснейших, достовернейших документов, отлитая в бронзе от имени императора Клавдия (точно так же, как дошли до нас Анкирские надписи[1134] Августа) Лионская таблица (год 48-й), содержащая императорскую речь о сенатском решении *de Jure honorum Gallis dando*[1135], предоставляет молодым галльским сенаторам, вновь принятым в курию, право на «образы» (*images*) и на *cognomina* их предков. «Теперь им больше не о чем

жалеть. Как Персикус, мой дорогой друг, [который был вынужден взять это чужое прозвище... из-за этого сенатского решения] и который теперь может *inter imagines majorum suorum Allobrogici nomen legere* («выбрать себе имя Аллоброгикус среди образов своих предков»).

До конца римский сенат считал себя состоящим из определенного числа «отцов» (*patres*), представляющих личности, образы их предков.

Собственность *simulacra* (изображаемая) и *imagines* (воображаемая) (*Lucret.*, 4, 296) является атрибутом *persona* (ср. Плиний, 35, 43 и в Дигестах, 19. 1, 17, конец).

В ряду: «искусственный персонаж», «маска» и «роль» в комедии и трагедии, в плутовстве, притворстве, чужом для «я», — слово *persona* продолжало свой путь. Но основание личного характера права было заложено[1136], и *persona* стала также синонимом истинной природы индивида[1137].

С другой стороны, право на *persona* обоснованно. Только раб лишен его. *Servis pop habet personam* — у него нет личности. У него нет своего тела, нет предков, имени, *cognomen*, собственного имущества. Древнее германское право еще отличает его от свободного человека, *Leibeigen*, собственника своего тела. Но ко времени, когда были созданы правовые системы саксонцев и швабов, если тело крепостных им и не принадлежало, они владели душой, которую дало им христианство.

Но прежде чем перейти к этой теме, надо напомнить еще об одном достижении, в котором участвовали не только латиняне, но и их греческие сотрудники, их учителя и истолкователи. Между греческими философами, римскими аристократами и юристами была воздвигнута совсем иная постройка.

ГЛАВА V. Личность: моральный факт

Хочу уточнить: я думаю, что эта работа, этот прогресс были осуществлены главным образом благодаря стоикам, чья волюнтаристская, личностная мораль смогла обогатить римское понятие личности и сама обогатилась в то самое время, когда она обогащала право[1138]. Я убежден, но, к сожалению, могу лишь начать доказательство того, что невозможно переоценить влияние афинских и родосских школ на развитие латинского морального мышления и, наоборот, влияние римской действительности и потребностей воспитания молодых римлян на греческих мыслителей. Об этом свидетельствуют уже Полибий и Цицерон, а также позднее — Сенека, Марк Аврелий, Эпиктет и др.

Слово *prōσωπον* имело точно тот же смысл, что *persona*, маска; но оно может также означать персонаж, которым каждый является и хочет быть, его характер (оба слова часто связаны между собой), подлинное лицо. Оно очень быстро, начиная со II в. до н. э., приобретает смысл *persona*. Точно выражая *persona* как личность, право, оно сохраняет еще смысл многослойного образа, например, фигура на носу корабля (у кельтов и др). Но оно обозначает также человеческую, даже божественную личность. Все зависит от контекста.

Слово *πρόσωπον* распространяется на индивида в его обнаженной натуре, когда сброшены любые маски. И наряду с этим сохраняется значение искусственности, значение наиболее сокровенного в данной личности и значение персонажа.

Все звучит иначе у классических латинских и греческих моралистов (со II в. до Р. Х. по IV в.): *πρόσωπον* — это отныне только *persona*, и, что очень важно, в придачу к юридическому значению добавляется значение моральное, значение существа сознательного, независимого, автономного, свободного, ответственного. Моральное сознание вводит совесть в юридическую концепцию права. К функциям, почестям, обязанностям, правам прибавляется сознательная моральная личность (*personne morale consciente*). Я высказываюсь здесь, может быть, более рискованно, но и более определенно, чем Брюнсвик, который в своей выдающейся работе «Прогресс сознания» часто касался этих вопросов (см., в частности, I, с. 69 и сл.). С моей точки зрения, слова, обозначающие вначале сознание, затем — психологическое сознание, *σύνειδησις* — ю *συνείδωτος* в действительности идут от стоиков, играют техническую роль и четко выражают *conscius*, *conscientia* римского права. Между старым стоицизмом и стоицизмом греко-латинской эпохи можно даже заметить прогресс, изменение, решающим образом осуществленное в эпоху Эпиктета и Марка Аврелия. От первоначального значения соучастника, «который видел вместе с» — *σύνοιδε*, свидетеля, был осуществлен переход к значению «осознание добра и зла». Будучи повседневно используемым в латинском языке, это слово приобретает наконец указанный смысл у греков, у Диодора Сицилийского, у Лукиана, у Дионисия Галикарнасского, и сознание себя стало достоянием личности. Эпиктет сохраняет еще смысл обоих образов, над которыми работала эта цивилизация, когда он пишет то, что цитирует Марк Аврелий: «вылепи свою маску», установи свой «персонаж», свой «тип» и свой «характер»; когда он предлагает то, к чему пришло наше исследование сознания. Значение этого момента в жизни Духа увидел Ренан.

Но у понятия личности еще отсутствовала надежная метафизическая основа. Этой основой оно обязано христианству.

ГЛАВА VI. Христианская личность

Метафизическую сущность из моральной личности извлекли христиане, осознав ее религиозную силу. Наше теперешнее понятие человеческой личности в основе своей остается христианским. Здесь мне остается лишь следовать за превосходнейшей книгой Шлоссмана[1139]. Последний прекрасно проследил (вслед за другими, но лучше других) переход от понятия *persona*, человека, олицетворяющего какое-нибудь сословие, к понятию просто человека, человеческой личности.

Понятие «моральной личности» (“*personne morale*”), впрочем, стало настолько определенным, что уже начиная с первых дней нашей эры и ранее в Риме, во всей империи, оно применялось ко всем мнимым личностям, которые мы до сих пор именуем морально-юридическими субъектами, каковыми стали корпорации, благотворительные фонды и т. п. Вплоть до новейших конституций они обозначались словом *πρόσωπον*. *Universitas* — это личность личностей, но, подобно городу, Риму, — это вещь, сущность. *Magistratus gerit*

personam civitatis — хорошо сказано Цицероном (De Off., 1.34)[1140]. И фон Карольсфельд очень точно сопоставляет и комментирует «Послание к галатам» (3, 28): «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского; ибо все вы одно, εἰς во Христе Иисусе».

Был поставлен вопрос о единстве личности, о единстве Церкви в связи с единством Бога εἰς. Он был решен после многочисленных дебатов. Здесь надо было бы проследить всю историю церкви (см. «Свида»[1141], s. v., а также фрагменты знаменитого Слова о Явлении святого Григория Назианзина[1142], 39, 630, A). Спор о Троице, спор монофизитов, долго волновал умы, пока церковь не решила его, прибегнув к божественной тайне, но вместе с тем проявив полную твердость и ясность: *Unitas in tres personas, una persona in duas naturas* — окончательно утверждает Никейский собор[1143]. Троиединство и Троица — это единство двух природ Христа. Именно начиная с понятия единого сложилось понятие личности — я верю, что надолго, — относительно божественных личностей, но одновременно и относительно человеческой личности, субстанции и формы, тела и души, сознания и действия[1144].

Я не буду больше ни комментировать, ни продолжать эти теологические изыскания. Кассиодор[1145] завершает тем, что определенно говорит: *persona — substantia rationalis individua* (Ps. VII). Личность есть неразделимая, индивидуальная рациональная субстанция[1146].

Оставалось лишь претворить эту индивидуальную рациональную субстанцию в то, чем она стала теперь, а именно в сознание и категорию.

Это явилось результатом длительной работы философов, на описание которой у меня остается лишь несколько минут[1147].

ГЛАВА VII. Личность: психологическое существо

Приношу извинения за то, что, резюмируя некоторые собственные исследования и бесчисленные мнения, историю которых можно было бы написать отдельно, я выдвигаю больше идей, чем доказательств.

Тем временем понятие личности должно было претерпеть еще одну трансформацию, чтобы стать тем, чем оно стало менее полутора веков назад: категорией «я». Далекая от того, чтобы быть идеей изначальной, врожденной, от Адама четко зафиксированной в глубинах нашего бытия, она еще и в наше время продолжает строиться, проясняться, специфизироваться, идентифицироваться с познанием себя, с психологическим сознанием.

Вся долгая работа церкви, различных церквей, теологов, философов-схоластов, философов Возрождения, подстегнутых Реформацией, создала, пожалуй, некоторую задержку, препятствия на пути формирования идеи, которую в настоящее время мы считаем ясной.

Сознание наших предков вплоть до XVII и даже до конца XVIII в. постоянно беспокоил вопрос о том, является ли индивидуальная душа субстанцией или же поддерживается субстанцией; является ли она сущностью человека или же составляет лишь одну из двух сущностей человека; является ли она единой и неделимой или делимой и отделяемой; является ли она свободной, выступая как абсолютный источник действий, или она детерминирована и скована другими судьбами, предопределением. Люди с тревогой спрашивали себя, откуда происходит душа, кто ее создал и кто ею управляет. Но участникам споров сект, кружков, больших церковных объединений и философских школ, в частности университетских, не удалось превзойти результат, достигнутый в IV в. н. э. Тридентский собор успешно покончил с бесполезной полемикой по поводу личного творения каждой души[1148].

Более того, говоря об определенных функциях души, Возрождение и Декарт, стремясь понять ее природу, обращаются к мышлению, мышлению дискурсивному, ясному, дедуктивному. Именно о ней идет речь в революционном афоризме *Cogito, ergo sum*; именно она образует оппозицию «пространства» и «мышления» у Спинозы. Рассматривается лишь одна часть сознания.

Даже Спиноза[1149] относительно бессмертия души сохранял чисто античное представление. Известно, что он не верит в сохранение после смерти какой-либо части души, кроме той, что оживлена «интеллектуальной любовью к Богу». Он повторяет, в сущности, Маймонида, повторявшего Аристотеля (*De ap.*, 408, 6; ср. 430a. *Gen. An.*, II, 3, 736в)[1150]. Только поэтическая душа может быть вечной, поскольку две другие души, растительная и чувственная, необходимо связаны с телом, а энергия тела не проникает в *voûc*. И в то же время посредством естественной оппозиции, которую хорошо прояснил Брюнсвик[1151], именно Спиноза, поскольку он выдвигал в первую очередь этическую проблему, обладал наиболее здравым взглядом на отношения индивидуального сознания с божественными вещами, более здравым, чем Декарт и даже сам Лейбниц.

Свое разрешение проблема личности, выступающей только как сознание, нашла не у картезианцев, а в других кругах. Трудно переоценить значение сектантских движений XVII—XVIII вв. для формирования политического и философского мышления. Именно в этих движениях были поставлены вопросы индивидуальной свободы, индивидуального сознания, права общаться непосредственно с Богом, быть самому себе священником, иметь внутреннего Бога. Понятия моравских братьев[1152], пуритан, веслианцев[1153], пиетистов[1154] составляют основу, на которой базируется представление: личность = «я»; «я» = сознанию и является его главной категорией.

Все это не так уж старо. Понадобился Юм, все революционизировавший (вслед за Беркли, положившим начало), чтобы сказать, что в душе существуют лишь состояния сознания, «восприятия»; но в итоге он колеблется перед лицом понятия «я»[1155] как фундаментальной категории сознания. Шотландцы[1156] лучше приспособили его идеи к новым историческим условиям.

Только у Канта это понятие обретает точную форму. Кант был пиетистом, сведенборгианцем[1157], учеником Тетенса[1158], слабого философа, но искушенного психолога и теолога; неразделимое «я» он находил вокруг себя. Кант поставил, но не

разрешил вопрос о том, является ли «я», das Ich, категорией.

Человеком, который сказал наконец, что любой факт сознания — это факт «я», человеком, обосновавшим всю науку и всю деятельность по поводу «я», был Фихте. Кант уже сделал из индивидуального сознания, из священного характера человеческой личности, условие Практического Разума. Фихте[1159] помимо этого сделал категорию «я» условием сознания и науки, Чистого Разума.

С этого времени революция в менталитетах совершилась, каждый из нас обладает своим «я», эхом Деклараций Прав, предшествовавших Канту и Фихте.

ГЛАВА VIII. Заключение

От простого маскарада — к маске, от персонажа — к персоне, личности, к имени, к индивиду и от него — к существу, обладающему метафизической и моральной ценностью, от морального сознания — к священному существу, от него — к фундаментальной форме мышления и деятельности — таков был проделанный путь.

Кто знает, какой прогресс Разума ожидает нас в этом направлении? Какой свет прольют на новые проблемы психология и социология, уже продвинувшиеся вперед, но нуждающиеся в дальнейшем развитии?

Кто знает, будет ли даже эта «категория», которую все мы здесь считаем прочно утвердившейся, всегда признаваться таковой? Она была сформирована только у нас и для нас. Даже ее моральная сила — священный характер человеческой личности — подвергается сомнению, и не только по всему Востоку, который не дошел до наших наук, но даже и в тех странах, где этот принцип был обнаружен. Нам предстоит защищать великие ценности, ведь вместе с нами может исчезнуть Идея. Не будем, однако, заниматься нравочениями.

Не следует также слишком увлекаться спекуляциями. Скажем, что социальная антропология, социология, история учат нас видеть, как «пробивает себе дорогу» (“chemine”) (Мейерсон) человеческая мысль. Она достигает отчетливого выражения медленно, через века, через общества, их контакты и изменения, с виду — самыми случайными путями. Будем же работать над тем, как нам понимать самих себя, чтобы усовершенствовать эту мысль и выразить ее еще лучше.

Версия #2

Зверобой создал 26 апреля 2026 02:59:01

Зверобой обновил 26 апреля 2026 03:25:31